

6. Hartman L.L. Walter De la Mare // Dictionary of Literary Biography. V. 162. Detroit; Washington, D.C., 1995. P. 68–79.

7. Kirkham M. Walter De la Mare // Dictionary of Literary Biography. V. 19. Detroit; Michigan, 1983. P. 109–131.

Сказка в оригинале и в переводе

Е.О. ШАЦКИЙ,

докторант, Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова

Предмет настоящей статьи — адаптация заимствованных литературных сюжетов к другой художественной культуре. Проблема рассмотрена на примере литературных сказок 30-х годов XX столетия.

Ключевые слова: советская литература, иностранная литература, сказки, адаптация.

Ye.O. Shatsky, Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov

The fairy-tale in the original and in the translation

The subject of the article is adaptation of the borrowed literary plots to other art culture. The problem is considered on the example of literary fairy-tales of the 30th years of the XX century.

Key words: soviet literature, foreign literature, fairy-tales, adaptation.

Контакт с автором: evgo1e@yahoo.com

Предметом настоящей статьи является исследование нравственного смысла адаптации заимствованных литературных мотивов, сюжетов к другой художественной культуре. Проблема рассмотрена на примере отечественных литературных сказок XX в.

Известно, что содержание произведения искусства обусловлено духом эпохи, запросами и потребностями людей своего времени. Искусство — общение, деятельность, направленная на других людей. Художник не может не считаться с восприятием своих будущих читателей.

С учетом указанной позиции, интересно установить причины того, что некоторые отечественные литературные сказки XX в. оказались в сюжетной близости с зарубежными произведениями этого же жанра. Это явление уже пытался объяснить писатель И.В. Можейко: «Советские писатели (1930-х годов. — Е.Ш.) принялись переводить современные европейские сказки.

Оставлять на их титулах имя настоящего автора было невозможно, издательство не посмело бы издавать идеологических врагов. В то же время переводчик, объявивший себя автором, получал вдвое больше, чем тот, кто поскромничал. И вот вслед за толстовским «Золотым ключиком», вольным переводом итальянской книги «Пинноккио», широким потоком пошли другие переводы. А. Волков перевел «Волшебник из страны Оз» под названием «Волшебник Изумрудного города», Л. Лагин пересказал в «Старике Хоттабыче» английскую повесть «Медный кувшин», а Корней Чуковский перевел «Доктора Дуллитла» под именем Айболита» [5, 236]¹.

Нельзя не согласиться с цитируемым автором в том, что в 30-е годы XX в. существовало негативное отношение к некоторым произведениям «буржуазной литературы». Но действительно ли при издании литературных сказок было невозможно указывать иностранные фамилии авторов?

¹ В квадратных скобках указан номер работы и страницы в ней из списка «Использованная литература». — *Ред.*

Внимательное изучение истории показывает, что это предположение ошибочно. На титульном листе «Доктора Айболита» сообщалось, что сказка написана «по Гью Лофтингу». А.Н. Толстой в 1933 г. заключил с Детгизом договор об издании «Пиноккио» и не встретил никаких идеологических возражений редакции. Историк литературы М. Петровский резюмирует, что «до самой весны 1935 г. ни в одном документе нет ни словечка о Буратино. Везде Пиноккио и только Пиноккио» [6, 169]. В предисловии к книжному варианту «Буратино» А.Н. Толстой говорит о том, что завязка повести взята у Карло Коллоди. История публикации «Волшебника Изумрудного города» также доказывает: А.М. Волков не скрывал, что пересказывает сказку Баума. Писатель вспоминал, что редактор Детгиза «...расспрашивала меня, какие изменения я внес в сказку Баума. Я давал в редакцию английский оригинал, они держали его довольно долго и, очевидно, сравнивали его с моей интерпретацией. Результаты сравнения были для меня благоприятны» [6, 259, 260]. От читателей не скрывалось, что речь идет о переработке сказки зарубежного автора. В «Литературной газете» сказка «Волшебник Изумрудного города» аннотировалась как «переработка известной сказки американского писателя Фрэнка Баума «Мудрец из страны Оз». Не скрывалась и близость некоторых мотивов «Старика Хоттабыча» и «Медного кувшина». В рецензии на «Старика Хоттабыча», опубликованной в журнале «Детская литература» в 1940 г., упоминалось, что «интерес (к повести Л. Лагина. — *Е. III.*) повышается у того, кто помнит английский роман, вышедший лет сорок назад в русском переводе, — «Медный кувшин» Энстея». Названный ранее исследователь ошибался, утверждая, что фамилии зарубежных писателей невозможно было называть.

Сложнее оценить, имели ли право писатели ставить свое имя под перечисленными выше сказками? Для ответа на этот вопрос обратимся к истории русской классической литературы. Обнаруживается, что в ней уже были прецеденты подобного рода: некоторые сказки А.С. Пушкина, переложка И.А. Крыловым басен Лафонтена.

Так, в «Сказке о золотой рыбке» А.С. Пушкин использовал сюжет сказки братьев Grimm «О рыбаке и его жене» (*Vom Fischer und seiner Frau*). Но поэт не переписал текст братьев Grimm. Он творчески последовательно придал немецкому сюжету русский колорит: исключил эпизод, когда старуха пожелала стать римским папой, включил типичные для русского быта сцены, использовал русскую народную речь. Подтвердим высказанную позицию оценкой пушкиниста С.М. Бонди: А.С. Пушкин, «...подобно настоящему народному сказителю, брал, когда это было нужно, те или иные мотивы, сюжеты из иноязычного фольклора, чудесным образом превращая их в подлинно русские» [4, 52]. Исследователь отметил изменения, внесенные русским писателем в эстетико-нравственный смысл сказки. Анализ произведения показывает: если у братьев Grimm «осуждается стремление забитого, смиренного человека из народа подняться выше своего убогого состояния», то «старуха у А.С. Пушкина наказана не за то, что хочет быть барыней или царицей, а за то, что, ставши барыней, она бьет и «за чупрун таскает» своих слуг, мужа-крестьянина посылает служить на конюшню; ставши царицей, она окружена грозной стражей, которая чуть не изрубила топориками ее старика; владычицей морскою она хочет быть для того, чтобы рыбка золотая служила ей и была у нее на посылках» [4, 53]. Напомним, что социальная рознь низших и высших сословий, тесно связанная с затянутым существованием крепостного права, неоднократно отмечалась русскими классиками А.Н. Радищевым, А.И. Герценом, Л.Н. Толстым и др. Закономерно, что этот мотив отражен и в сказке А.С. Пушкина.

Другая известная адаптация А.С. Пушкиным зарубежного литературного сюжета — «Сказка о золотом петушке», в основу которой положена новелла В. Ирвинга «Легенда об арабском звездочете». Исследователи по-разному оценивают изменения, внесенные А.С. Пушкиным в эстетику и в идейно-нравственный смысл сказки. А.А. Ахматова, первая обнаружившая использование поэтом сюжета В. Ирвинга, полагала, что в «Сказке о золотом петушке»

значительно усилена сатира в отношении царя (в котором исследовательница видела черты Александра I и Николая I). Сказку проанализировал и С.М. Бонди. Он пришел к выводу, что А.С. Пушкин заменил «условно-литературные фантастические образы — образами русской народной поэзии. Он создал на этой основе свою сказку, близкую и в идейном и образном отношении к подлинно-народному творчеству» [3, 474]. Закономерно, что оба пушкиниста связывают переосмысление образов американского новеллиста в сказке русского поэта с обращением А.С. Пушкина к своей национальной читательской аудитории.

Те же особенности передачи иностранных сюжетов и мотивов для русских читателей проявились и в баснях И.А. Крылова. Подтвердим эту позицию ссылкой на мысль В.Г. Белинского: «Хотя он (И.А. Крылов. — *Е. Ш.*) и брал содержание некоторых своих басен из Лафонтена, но переводчиком его назвать нельзя: его исключительно русская натура все перерабатывала в русские формы и все проводила через русский дух» [2, 151]. Близки к этой концептуальной позиции поэты и теоретики художественного творчества 1930-х годов XX в.

К.И. Чуковский писал об «Айболите», что «внес в свою переработку десятки реалий, которых нет в подлиннике». Для примера возьмем две реалии, измененные нашим сказочником. В «Докторе Дуллитле» главный отрицательный герой — негритянский король. Его К.И. Чуковский случайно заменил Бармалеем. Основываясь на предыдущем негативном опыте общения с белыми людьми, король задержал высадившегося на африканском побережье доктора. И тогда для освобождения доктора его друг попугай использует суверенность негров и шантаж: «Если ты не разрешишь мне и моим животным свободно путешествовать по твоим владениям, я заражу всех вас страшной обезьяньей болезнью» (If you don't let me and my animals travel through your kingdom, I will make you and all your people sick like the monkeys). Для понимания этого эпизода надо помнить, что во времена Хью Лофтинга в западноевропейской литературе оставался популярен жанр колониального романа, нередко осно-

ванного на расистских концепциях, идее превосходства белого человека над всеми остальными. У английских читателей того времени не вызывало диссонанса при восприятии произведения, когда положительные герои руководствовались в отношении к туземцам иными нравственными нормами, чем в отношении к «цивилизованным людям». В этом контексте характерна мечта черного принца: «Ах, если бы я был Белым принцем», — исполненная добрым доктором с помощью медицинских средств. К.И. Чуковский, ориентируясь на читателей своей страны и эпохи, исключил из пересказа все эпизоды, содержащие намеки на расизм.

Не менее странным для советского читателя было бы и то, что добрый доктор показывает своего друга Тяни-Толкая публике за деньги. Для Лофтинга достаточно того, что добрый доктор изредка, потихоньку от кассира-поросенка, пропускал детей бесплатно и отказывался продать Тяни-Толкая владельцам зоопарков и цирков. У К.И. Чуковского люди любят на Тяни-Толкая, гуляющего в саду, совершенно бесплатно, и тот даже радуется, что его называют «чудом природы». К.И. Чуковский знал, ценил и уважал современного ему читателя. Ребенок 1930-х годов не понял бы положительного героя, называющегося на друге. К.И. Чуковский детально представил эту эстетико-нравственную сторону детского чтения в книге «От двух до пяти» (глава «Новая эпоха и дети»). О сказочном герое ребенок спрашивает: «А что он — правильный? А он хороший? А он наш, советский?», «Он хороший, Иван Царевич, как наши бойцы? Да?» Знаменательно не только исторически, что «Айболит» отличается от «Дуллитла» и более динамичным развитием сюжета.

Рассмотрим с этой позиции сказку К. Коллоди «Пиноккио» — одно из первых произведений литературы для детей, в котором вызывающий сочувствие герой не являлся воплощением благоразумия и послушания. Тем не менее сказка сохранила некоторые недостатки морализаторских книг: за дурным поступком в ней следует немедленное наказание, зачастую поражающее своей жестокостью. Например, двойствен-

ное впечатление производят «педагогические эксперименты» Феи над Пиноккио в 29-й главе: в наказание за позднее возвращение домой «добрая Фея, заменившая ему мать» морит героя холодом и голодом до потери сознания. Неоднозначные чувства вызывает и эпизод последней встречи Пиноккио с Котом и Лисой в 36-й главе: став настоящими калеками, бывшие жулики просят героя о помощи, но получают холодный отказ. В соответствии с нравственно-эстетической позицией К. Коллоди идея мести, воздаяния оказывается ближе героям, чем милосердие, гуманизм.

Большой интерес в нашем сравнительном анализе представляет литературный ответ А.Н. Толстого. Он включил в сказочную повесть «Золотой ключик, или Приключения Буратино» дословный перевод трех первых глав «Пиноккио». Использовал некоторые мотивы Карло Коллоди в дальнейшем повествовании. Но создал более добрую, интересную сказку. Логике характеров персонажей А.Н. Толстого чужда «добродетельная» жестокость героев итальянской сказки. Напротив, для художественного мира «Золотого ключика» органично, что Мальвина плачет из-за того, что ей пришлось отправить проказника Буратино в темный чулан.

Сравнение героя сказки «Старик Хоттабыч» с его литературными предшественниками — материал для отдельной статьи. Вопрос, читал ли Л. Лагин сказку «Медный кувшин», остается дискуссионным. А. Ромм, сравнивая две сказки, писал: «Забавная основная ситуация — это только половина дела. Она дает воображению необходимый простор, но теперь спрашивается, что же развернет писатель на этом просторе?» В сказках Ф. Энсти и Л. Лагина есть два сходных мотива: страх джинна перед современной техникой и его попытки облагодетельствовать спасителя малокомфортной средневековой роскошью, но сюжеты сказок разные. Л. Лагин представил принципиально новую трактовку древнего мотива столкновения человека и духа. По традиции, идущей от средневековых легенд, благодеяния духа не приносят человеку счастья. Он либо гибнет, либо избавляется от своего «помощника». В непосредствен-

ном предшественнике «Старика Хоттабыча» — повести английского писателя Ф. Энсти «Медный кувшин» — конфликт человека и духа решен именно так. Джинн из повести Ф. Энсти — не добродушный Хоттабыч. Характер у него жестокий: он превращает в мула отца невесты героя. Затем решает убить и своего спасителя. С трудом обманув «благодетеля», герой английской сказки заточает его обратно в кувшин.

Иное решение предложил Л. Лагин. Конфликт Хоттабыча и Вольки в начале повести связан с тем, что джинн пришел из прошлого. Отрицательные черты Хоттабыча обусловлены не мистическими, а историческими причинами. Для джинна естественно сословное и имущественное неравенство, тяга к наживе, деспотизм властителей и рабская покорность низших — черты, которые люди 30-х годов искренне считали достоянием прошлого. В итоге пятиклассник Волька научил могущественного духа не только читать, но и по-иному смотреть на мир. В этой гуманизации древнего мотива заключается подлинное новаторство Л. Лагина.

Меньше разницы между «Волшебником Изумрудного города» и «Мудрецом из страны Оз». А.М. Волков дополнил сказку Баума вставками, привнесшими в суховатый текст психологизм и ироничность стиля. Ради динамичности сюжета А.М. Волков убрал одну описательную главу, а две — динамичные — досочинил. Важный содержательный мотив: у Баума реальный мир и страна Оз резко контрастируют между собой. В реальности героиня живет в сером мире с серыми, никогда не смеющимися людьми. У героини Баума в реальном мире нет друзей, кроме собаки. Иное дело, мир страны Оз, который сам Баум назвал миром «добрых чудес и радости». Родной дом Элли у Волкова значительно более привлекателен: любящие родители и друзья, слово *серое* вовсе отсутствует.

Закономерно, что если героиня произведения Баума в дальнейших продолжениях сказки навсегда переселяется в волшебную страну, то Элли А.М. Волкова предпочитает жить в реальном мире. Здесь проявился характерный для 30-х годов XX в. оптимизм, вера в сказку и мечту. Извест-

ный филолог, исследователь литературы для детей И.Н. Арзамасцева отмечает: «Вера в строительство коммунизма <...> породила выдающуюся литературу, в том числе и детскую. Писатели, осознававшие себя гражданами уникальной страны, воодушевлялись тем, что прекрасный новый мир будет построен <...> по законам искусства, которое должно проникнуть в глубины сознания грядущих поколений, воспитать «нового человека» [1, 271].

Сказки А.Н. Толстого, К.И. Чуковского, Л. Лагина и А.М. Волкова — это оригинальные авторские произведения. Взаимодействие с зарубежными предшественниками проявилось закономерно индивидуально. У А.Н. Толстого и Л. Лагина остались некоторые мотивы сказок К. Коллоди и Ф. Энчи. У К.И. Чуковского и А.М. Волкова — сюжетная линия творений Х. Локенга и Л.Ф. Баума. Во всех рассмотренных произведениях изменения коснулись изображения характеров героев. Герои советских сказок добрее, оптимистичнее своих зару-

бежных предшественников. Главное — поменялась нравственно-эстетическая направленность произведений: русские писатели XX в. создали самобытные произведения, отразив эстетический идеал своего времени, основанный, прежде всего, на оптимистической вере в новый мир, — более гуманный и свободный от противоречащих человечности предвсудков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: Учеб. М.: Академия, 2009.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
3. Бонди С.М. Примечания // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М.: Худ. лит., 1975.
4. Бонди С.М. Стихи о «Римском папе» // Бонди С.М. Черновики Пушкина: Статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1978.
5. Бульчев К. Фантастический бестиарий. СПб.: КН, 1995.
6. Петровский М. Книжки нашего детства. М.: Книга, 1986.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

- Проблемы языкового и литературного образования (Л.В. Савельева, Г.С. Щеголева, А.П. Сдобнова, С.В. Плотникова, Г.А. Бакулина, Т.В. Рожкова, Е.В. Филимонова, Л.С. Сильченкова, О.О. Тришкина, Т.И. Зиновьева и др.)
- Структура урока как средство реализации деятельностного метода обучения (А.В. Мионов)
- Создание экологической тропы на пришкольном участке (Т.Г. Орехова, Г.П. Денисова)